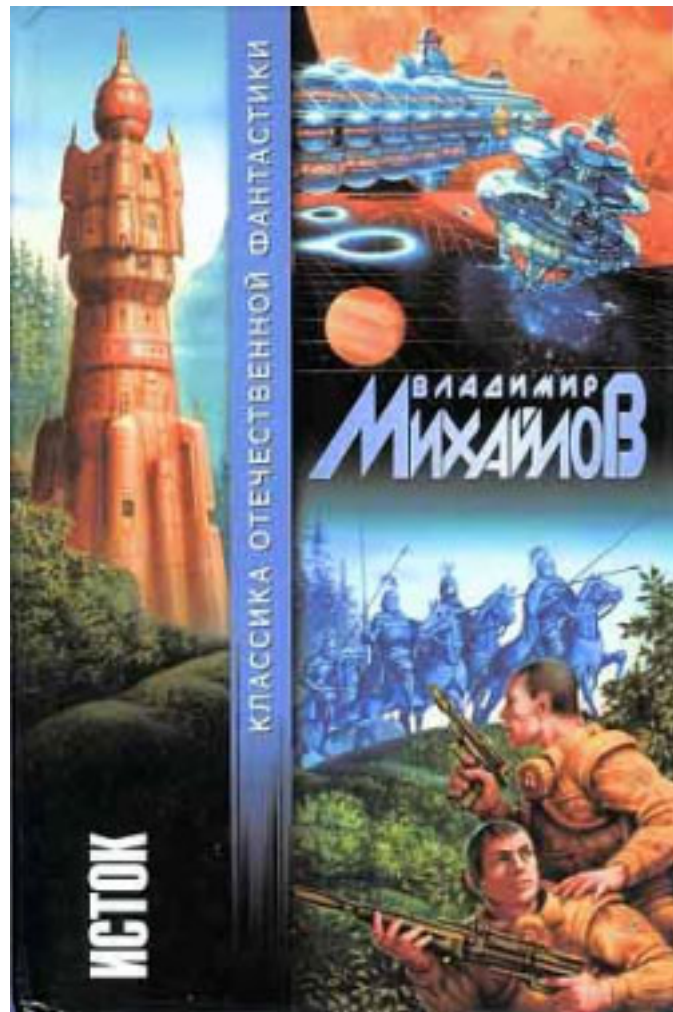

Владимир Дмитриевич Михайлов

...И всяческая суета

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135394
Исток: АСТ; Москва; 2003
ISBN 5-17-017278-8

Аннотация

Признанный мастер отечественной фантастики...

Писатель, дебютировавший еще сорок лет назад повестью «Особая необходимость» – и всем своим творчеством доказавший, что литературные идеалы научной фантастики 60-х гг. живы и теперь. Писатель, чей творческий стиль оказался настолько безупречным, что выдержал испытание временем, – и чьи книги читаются сейчас так же легко и увлекательно, как и много лет назад...

Вот лишь немного, что можно сказать о Владимире Дмитриевиче Михайлове.

Не верите?

Прочитайте – и убедитесь сами!

Содержание

Предисловие автора	4
Часть первая	5
I	5
II	6
III	8
IV	10
V	14
VI	16
VII	19
VIII	21
IX	24
X	29
XI	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Владимир Михайлов

...И всяческая суета

Предисловие автора

Я вряд ли взялся бы за нелегкий и неблагодарный труд превращения в повесть моих беглых записей, сделанных по горячим следам в 1989–1990 годах. То, что происходило у нас в те годы, сейчас уже вспоминается с трудом, и повесть эта сейчас уже может быть с полным правом названа исторической. Однако одно соображение и один факт заставили меня все-таки приняться за дело. В результате и получилось то, что я сейчас предлагаю вниманию читателей.

Соображение заключалось в том, что, когда стремительное нынче развитие событий замедлится и жизнь наша станет хоть в чем-то похожа на нормальную, интерес к тому, как все это начиналось и происходило, неизбежно воскреснет и люди заинтересуются всем тем, что хоть в какой-то мере сохранит аромат тех минувших несуразных лет.

Что же касается факта, то в одной из недавно возникших многочисленных газет (правда, не из самых авторитетных) на днях промелькнула заметка, вернее – крохотная информация о том, что в одной из латиноамериканских стран сведушими людьми был якобы опознан Гитлер – живой, здоровый и, невзирая на прошедшие десятилетия, не очень даже постаревший.

Разумеется, подавляющее большинство читателей усмотрело в этом материале всего лишь утку – и не из лучших. Другое дело – я. Потому что мне сразу вспомнилось все, связанное с возникновением в Москве кооператива, в котором реализовал свои идеи никому не известный человек со странной фамилией Маркграф.

Если у вас хватит времени и терпения прочитать повесть – вы будете знать об этом ровно столько, сколько знаю и я.

Часть первая

I

Двое разговаривали в дурно освещенном московском переулке.

– Нет, я на Востряковском лежу, – говорил один: долговязый, пожилой, лысый. – Бывали?

– Не приходилось, – отвечал второй, среднего роста, носивший шляпу, хотя время стояло летнее, теплое. – И как там у вас?

– Ничего, лежать можно. Сыро, правда, бывает. И временами шумно. Однако уход есть. И некоторые лежат очень приличные.

– Сыро – что же, это, конечно, неприятно, – сказал тот, что был в шляпе. – Когда сквозь тебя водичка льется... Хотя это, безусловно, сейчас, когда со стороны поглядишь. А пока лежали, ведь все равно было, а?

– Да уж, тогда сырость как-то не замечалась, – подтвердил первый, и оба как-то странно посмеялись.

– А вы, – затянувшись сигаретой, возобновил разговор лысый, – надо думать, на Ваганьковом прописаны? А то и на Новодевичьем? Каково там?

– Почему же это вы так решили?

– Облик у вас внушительный. Похороны государственные, наверное, были?

– М-да, пожалуй, государственные... Нет, я далеко лежу. В Заполярье, в мерзлоте. В веселой компании.

– Еще не съездили туда?

– Куда же двинешься без паспорта? А вы разжились уже?

– Где там. И не светит. Живу с профсоюзным билетом...

– Просто беда, – грустно подтвердил человек в шляпе. – Как и всегда у нас, до конца не додумают. Хорошо, что милиции теперь не до нас с вами. Если кооператив с паспортами не поможет, то...

– Так-то оно так, – согласился первый. – Однако же теперь торговля по паспортам, и визитки вводят, а работы нет и пенсии тоже. Хорошо еще – я после себя оставил малую толику. Дети спорить не стали, отдают понемножку. Тем и сыт.

– Повезло, – сказал обладатель шляпы. – А мое все пошло в доход государству. Так что скоро с этой вот шляпой встану в подземном переходе где-нибудь тут, близ Арбата...

– Не подадут, – сказал долговязый уверенно.

– Отчего же?

– Выглядите благополучно.

– О, это ненадолго.

Оба докурили, долговязый бросил окурок и затоптал, второй погасил слюной и сунул в карман.

– Ну, всего вам доброго.

– Будьте здоровы!

И они разошлись: один – направо, к кольцу, второй же прямо, под уклон, к набережной Москвы-реки.

II

Тогда из темноты, из-за строительного забора выбрался на тротуар Тригорьев, участковый инспектор милиции, Павел Никодимович.

Он не затем оказался за забором, чтобы подкараулить и подслушать разговорщиков. Он незадолго до тех двоих проходил тут же и ощутил вдруг сильное желание укрыться от возможных взглядов, хотя и сознавал в этом некоторое нарушение порядка. Тригорьев и воспользовался забором как укрытием, а тут подошли эти люди, и сперва выходить при них показалось неудобным, а потом очень заинтересовал разговор. Вот отчего инспектор только сейчас появился.

Нечаянно услышанный разговор заинтересовал потому его, что в нем прозвучало слово «паспорт». А участкового инспектора капитана Тригорьева с недавнего времени как раз беспокоило то, что в пределах его участка стали чаще обычного возникать люди, лишенные этого первого и основного признака гражданства. Выяснялось это чаще всего в магазинах, где хотя и далеко не всегда, но требовали все же предъявить названный документ. И не рвань какая-нибудь то была, но люди внешне вполне приличные. Вот как эти двое.

Какая-то должна была быть тому причина. И Тригорьеву хотелось ее установить. А кроме того, было в разговоре и еще нечто странное, капитан только не сразу уловил, что именно. Но – было.

Он уже начал над этой странностью раздумывать. Но тут из-за угла Второго Тарутинского переулочка показался Лев Толстой, и участковый инспектор прервал свои размышления, чтобы вежливо первым поздороваться.

Нет, это совсем не то, что вы подумали. Лев Израилевич Толстой был старым одноногим евреем, инвалидом войны, а по профессии – сапожником. И капитан Тригорьев поздоровался с сапожником первым не из уважения к литературным заслугам последнего – Лев Израилевич и писал-то не очень правильно, с образованием у него был недобор, – а потому, что уважал инвалидов войны, а что Толстой был евреем, так тем более можно было поздороваться первым, чтобы лишний раз подчеркнуть, что перед законом все равны.

Итак, капитан Тригорьев поздоровался и доброжелательно спросил:

– Ну, что нового слышно, Лев Израилевич?

– Что слышно? – переспросил старик, подняв на капитана свои большие и неизменно грустные глаза. – Это я хотел у вас спросить, что слышно. Например, о погромах: что вы об этом думаете?

Слухи такие действительно по Москве ходили, и не первый год уже, но сейчас как раз приутихли. Поэтому инспектор ответил спокойно:

– Насчет погромов, Лев Израилевич, никаких указаний не было. Но если что, порядок, конечно, восторжествует. А откуда такая у вас информация? С митинга идете?

– А, нет, – ответил Лев Толстой. – Не с митинга, нет. Я тут в кооператив заходил, возникло, знаете ли, дело...

– И там об этом услышали?

– Откуда вы взяли? – удивился Толстой. – Нет, это я днем стоял в очереди в овощном, так там... Нет-нет, не в кооперативе. Туда я просто так зашел...

– Это какой кооператив? – на всякий случай поинтересовался капитан Тригорьев. – Новый? Тут, за углом? Что же у них такого – интересного?

Тут печальные глаза Льва Израилевича неожиданно забежали из стороны в сторону, и он неохотно пробормотал:

– Да так, знаете, ничего особенного. Мелочи... Но они, видите ли, по частям не возвращают. Они могут только целиком. Одним словом, зря сходил...

– Пойдите, пойдите, – насторожился капитан, вспомнивший, что кооператив и в недавнем разговоре упоминался – и вроде бы в какой-то связи с паспортами. – Что же они там возвращают? Уж не...

Но тут сапожник вдруг страшно заторопился.

– Ох, я же совсем забыл – у меня чайник на плите стоит, не дай Бог, уже выкипел – вы представляете, что тогда будет? До свидания, будьте здоровы, я спешу, спешу...

И, быстренько произнеся все это, Лев Толстой заковылял по переулку, размашисто заносил неуклюжий протез и усердно помогая себе палкой.

Капитан Тригорьев секунду-другую глядел ему вслед. Затем повернулся и решительно зашагал в ту сторону, откуда и появился инвалид. А именно – в сторону кооператива.

III

Пресловутый кооператив не столь давно возник в том уголке Москвы, где названия площадей, проспектов, мостов, улиц и переулков напоминают о славном прошлом России. Открылся он в старом трехэтажном доме, что не выходил фасадом к проезжей части, но, как бы стеснясь непрезентабельного своего облика, прятался в глубине двора, отгораживаясь от прохожих еще и батареей мусорных контейнеров. Точнее, даже не в самом доме, но в его подвале, в четырех небольших помещениях с зарешеченными окошками под потолком. Подвал этот ранее был захламлен и заброшен и лишь временами использовался местной молодежью для тусовок. Теперь же его очистили, обновили, дверь обили рейками и покрыли немецким лаком, а на стене утвердили скромную вывеску, гласившую: «Обретение». А пониже и мельче: «Встречи с близкими». Сейчас капитан Тригорьев вспомнил, что поначалу такое название его несколько смутило, наведя на мысли о чем-то вроде дома свиданий, а то и просто публичного дома. Но, установив, что привезенное оборудование годилось скорее для слесарной или какой-нибудь другой технической мастерской, успокоился. И лишь вот сейчас возник у инспектора повод зайти туда – чтобы рассеять или, напротив, подтвердить возникшие у него подозрения.

Несмотря на достаточно поздний уже час, низкие окошки кооператива еще светились. Капитан Тригорьев вошел в подъезд, спустился на одиннадцать ступенек и оказался на тесноватой, слабо освещенной площадке, на которую выходила дверь слева и другая – справа. Правую капитан сразу отверг: на ней висел увесистый и ржавый замок, пожалуй, даже излишний, поскольку держался он только на одной пружине, вторая же отсутствовала начисто. Увидев замок, Тригорьев вспомнил, что бывал в этом подвале не раз – и во время тусовок, и еще раньше, когда здесь помещался чей-то склад. Он повернулся и нанес левой двери два легких удара костяшками пальцев и потянул ручку на себя. Дверь отворилась легко, не скрипнув. Шагнув, капитан Тригорьев оказался в крохотном предбанничке. За его спиной дверь, влекомая сочетавшейся с нею пружиной, мягко затворилась, и Павел Никодимович уже собрался распахнуть и другую – ту, что вела в четырехкомнатный кооперативный лабиринт. Но, словно бы угадав его намерение, дверь рывком отворилась сама собой, и участковый инспектор невольно сделал шаг назад. Скорее всего просто из присущей ему вежливости – чтобы освободить путь людям, в следующее мгновение выделившимся из открывшейся комнаты.

Их было трое.

Первой из вытиснувшихся в предбанничек людей оказалась, как сразу определил капитан, Амелехина Револьвера Иоанновна, пенсионерка двадцать второго года рождения, женщина вполне добропорядочная. Тригорьев это хорошо знал, поскольку проживала Амелехина на территории его участка, по адресу – Первый Отечественный тупик, семнадцать, квартира, помнится, двадцать шесть; да, точно, двадцать шесть. Все он знал, до такой даже детали вплоть, что имя Револьвера вовсе не связано было с огнестрельным неавтоматическим личным оружием, но происходило от слияния слов «Революция» и «Вера»; да такие ли еще имена давали новорожденным в двадцатых годах? И старая Револьвера вовсе не привлекла бы тригорьевского внимания, если бы не блеск ее глаз, всегда свинцово-тусклых, ныне же сиявших нестерпимым голубым светом, какой дает хорошо отрегулированная горелка газовой плиты. И все выражение лица гражданки Амелехиной было таким нештатным, что Тригорьев невольно сказал про себя: «Гм?». И лишь после этого перевел взгляд на второго человека, которого старуха крепко-накрепко держала за руку, словно нашкодившего мальчишку, влекомого для сурового наказания.

То был мужчина лет не более тридцати. Выше среднего роста, правильного телосложения, человек этот имел лицо овальное, удлиненное, бритое, глаза небольшие, голубые, нос прямой, короткий, волосы светлые, брови также светлые, широкие, дугообразные, на правой щеке небольшой горизонтально расположенный шрам, подбородок слегка скошенный вниз и назад, уши большие, средней оттопыренности, мочки ушей длинные, скулы слабо обозначенные – и так далее. Одет был в темно-синий в белую полоску костюм-тройку отечественного производства, устаревшего – с узкими лацканами – покроя; то ли от человека, то ли от костюма явственно пахло нафталином.

Человека этого инспектор – голову на отсечение – никогда не встречал. И все же было в его внешности, в его тут же мысленно составленном словесном портрете что-то до боли знакомое. И Тригорьев внутренне напрягся, стараясь понять, в чем тут дело.

Тем более, что показавшаяся вслед за мужчиной вторая женщина, державшая его за другую руку и всем своим обликом показывавшая полную готовность в любой момент пресечь всякую попытку к бегству, в том числе и шаг влево или вправо, – женщина эта никакого особого внимания от капитана не требовала, ибо была она давно известна инспектору как вдова покойного сына Амелехиной, Альбина, проживавшая вместе со старухой в их двухкомнатной квартирке, где обе женщины тихо и искренне ненавидели друг друга, но развешаться то ли не могли, то ли не хотели, ибо без любви жить плохо, но без ненависти – совсем уж никуда.

В таком вот порядке последовали все трое от внутренней двери предбанничка к выходной, как-то даже и не заметив Тригорьева. Вышли, дверь за ними запахнулась, и было слышно, как после мгновенной запинки шаги их вразнобой застучали по ступенькам, выводившим из подвала на свет Божий.

– Гм, – еще раз сказал про себя Тригорьев, томимый желанием понять, что же тут не так.

И тут его ожгло понимание. Сработала профессиональная память.

Он нашел вдруг, на кого походил этот мужчина. И, не теряя более времени, толкнул внутреннюю дверь и, перешагнув порог, вступил в комнату.

IV

Здесь было тепло, светло и сухо, хотя и пустовато как-то для солидного кооператива. Наличествовал в комнате письменный стол, найдешевейший, из мореной фанеры, шесть стульев, издревле именуемых венскими, и табличка над столом, чуть повыше головы сидящего; на табличке написано было не очень тщательно: «Консультант по вызовам и встречам А. М. Бык». Стены выглядели покрашенными водяной краской, пол – обычной желто-коричневой эмалью, но без предварительной шпаклевки и грунтовки, так что виднелись все углубления и шероховатости досок. Наспех все делалось, кое-как, и Тригорьеву, в котором глубоко сидело исконное милицеевское стремление к порядку, это не понравилось. Но ведь не за тем он сюда пришел, чтобы оценивать качество ремонта? Нет, вовсе не за тем, конечно. И Тригорьев поспешил перевести взгляд на человека, сидевшего за столом как раз под табличкой.

Человек этот был человек-невидимка. То есть внешность его была того сорта, от какого ровно ничего не остается в памяти: только что видели человека, смотрели во все глаза, а через минуту спроси у вас: а как он выглядел? – и ничего не сможете сказать, потому что никак он не выглядел, не за что было взгляду зацепиться, все как-то нечетко, как-то условно, может, так, а может, этак – ну, вы понимаете. Вот именно таким и был консультант по имени А. М. Бык.

Тем не менее ничто человеческое, видимо, не было консультанту чуждо, и под заурядной его внешностью крылись полнокровные чувства – судя по той радостной улыбке, какой приветствовал он капитана Тригорьева.

– Антруйте, антруйте, – произнес он, когда участковый инспектор, переступив порог, на долю секунды задержался, – и указал на один из стульев перед столом.

Слова, сказанного консультантом А. М. Быком, капитан, признаться, не понял, потому что французским не владел, иначе, конечно, сразу догадался бы, что означало оно всего лишь предложение войти, «антрэ», оформленное, правда, по законам русского спряжения. Но жест А. М. Быка Тригорьев истолковал правильно и уселся на указанное место.

Небольшое время они сидели, глядя друг на друга, как бы ведя некий бессловесный диалог – словно бы ожидая, кто первым не выдержит. Но капитан Тригорьев, издавна наученный смотреть пристально, проницательно и понимающе, не опуская глаз, мог в это время думать о вещах совершенно посторонних, как-то: застанет ли он еще молоко в гастрономе по пути домой или, как вообще в последнее время, от полезного продукта не останется даже и воспоминания. Так что вполне закономерным можно почтить, что первым не выдержал игры в гляделки А. М. Бык. Он снова приятно улыбнулся, обнажая не совсем белые, но комплектные еще зубы, и произнес:

– Очень люблю помолчать в компании. Бывает, такие глубокие мысли приходят!

– А говорить не разучитесь? – спросил Тригорьев, подумав. И, таким образом несколько запутав собеседника, сразу же в упор заявил:

– Тут у вас только что люди были.

А. М. Бык, в свою очередь несколько поразмыслив, ответил:

– Совершенно верно. Имели быть. Вот только что перед вами.

– Так вот, я хотел бы знать, что это за люди.

Капитан Тригорьев разговаривал всегда исключительно вежливо.

– Вас имена интересуют? Одну минуту!

С этими словами А. М. Бык проворно вытянул верхний ящик стола, извлек из него конторскую книгу в красном синтетическом переплете, недавно только начатую, раскрыл ее и, водя пальцем по странице, быстро нашел требуемый ответ:

– Амелехины были.

И, захлопнув книгу, выжидающе поднял на инспектора глаза.

– Конкретней, – сказал Тригорьев. – Вы поконкретней давайте.

– Ну, эта... Алебарда Ивановна? Нет, как ее...

А. М. Бык снова растворил книгу и зашарил пальцем.

– Револьвера, вот. Я помнил, что имя такое – воинское.

– Так, – сказал Тригорьев. – А еще кто?

– Амелехина же, – продолжил консультант. – Альбина Панталоновна.

– Пантелеймоновна, – строго поправил Тригорьев. – Ну, и дальше?

– Что же дальше? – поинтересовался А. М. Бык.

– Дальше, дальше давайте!

– А дальше – тишина, – сказал начитанный А. М.

– Вы, пожалуйста, третьего назовите, – попросил терпеливый Тригорьев.

– Третьего? – несколько озадаченно переспросил А. М. Бык. – Так ведь это только Бог троицу любит. Почему кого-то обязательно должно быть трое?

– Это вы что имеете в виду?

– Их двое приходило, – объяснил А. М.

– Двое, по-вашему? – прищурился Тригорьев.

– Даю вам мое честное слово.

– Как же получилось, что вышли они втроем?

– Вы так полагаете?

– Гражданин Бык! – сказал Тригорьев служебным голосом. – Я – лицо должностное и пришел по делу. Улавливаете момент?

– Простая кинематика, – сказал А. М. Бык.

– Вот и давайте кончим этот волейбол и начнем говорить по делу.

– Умоляю, – сказал А. М. Бык. – Я весь – внимание.

– С ваших слов, – сказал капитан Тригорьев, – их было двое. Две женщины, так?

– Момент абсолютной истины, – подтвердил А. М. Бык. – Амелехина Пистолета Ивановна, а также...

Тригорьев остановил его жестом, как останавливают уличное движение.

– Отсюда, – раздельно произнес он, – вышли три человека: подраму... зева... подразумеваемые вами две женщины, а также один мужчина. Вот он меня как раз интересуется. Так что давайте уж, будьте любезны.

– Какой мужчина? – спросил А. М. Бык с недоумением.

– Позвольте-ка вашу книгу, – вместо ответа проговорил Тригорьев и, не ожидая более, перегнулся через стол, взял синтетическую книгу и раскрыл ее.

Интересовавшее его место было заполнено вот какой записью:

«Амелехины, Револьвера Иоанновна, Альбина Пант-на. Дом. адрес: Первый Отечественный тупик, д. 17, кв. 26. Вид работы: чистый возврат. Источник информации: по местожительству заказчиков. Информация относится к: май 1980 г. Стоимость заказа: 335 руб. 80 коп. Заказ принят: 15.01.1990 г. Срок исполнения: 05.1990 г.». И уже другого цвета пас-той в последней графе было занесено: «Заказ выполнен 13.06.1990 г. Заказчики извещены телефонно». Далее шла уже расписка – другим почерком, несколько прыгающими буквами: «Заказ получила 13.06.1990. Претензий не имею. К сему Амелехина Р.И.». Вот и все, что там было.

Не сказать, чтобы Тригорьев много понял в прочтенной записи. Однако он на всякий случай сделал вид, что все до последней точки ему ясно, да еще многое другое ясно, чего в записи не было. И, несколько более нахмурившись, инспектор произнес:

– Так, значит.

– Вот именно! – едва ли не воодушевленно подхватил А. М. – Сами видите, именно так, и никак не иначе. Никаких неясностей, недоговоренностей, намеков, подтекстов, а также надтекстов и междустрочий, и вообще никакого мухлежа. Простая, я уже сказал, кинематика!

– Так, – повторил капитан с ударением. – Скажите, Бык – ваша первая фамилия?

– Я не замужем, – охотно ответил А. М.

– То есть настоящая?

– Моему папе всю жизнь задавали этот вопрос.

– Где работали раньше?

– На заводе «Красный лом».

– А почему ушли? – И Тригорьев даже слегка пригнулся, как перед прыжком.

– А жить надо?

– Жить надо честно, – наставительно молвил инспектор.

– Всю жизнь! – убежденно ответил консультант. – Копейку найду на тротуаре – и ту снесу и сдам.

– А сто рублей? – круто спросил Тригорьев.

– А чтобы сто рублей найти, надо сперва потрудиться, чтобы другой их потерял.

– Так вот, – сказал Тригорьев сурово, в такт словам постукивая пальцем по все еще раскрытой книге. – Вы желаете добровольно объяснить, откуда взялся тот мужчина, которого я здесь застал? Учтите: темнить не надо. Нам ведь и так все известно.

– Я всегда утверждал, – заверил А. М. Бык, – что наша милиция на высоте. Поскольку она над преступностью. А преступность все растет. Лично же я никакого мужчины здесь не заставлял. Исключая, конечно, работников кооператива.

Капитан понял, что сейчас больше ничего говорить не надо: спугнуть подозреваемых означало бы – испортить главное, если только не все. Поэтому он встал и, нависнув над столом своей ладной фигурой, проговорил лишь:

– Ну что же, так и запишем. А пока что посоветую вам...

Он не закончил, потому что дверь за его спиной – не та, в которую он вошел, но другая, что вела в глубь кооператива – шумно распахнулась, и капитан мгновенно повернулся лицом к возможному, как он полагал уже, противнику.

Из кооперативных недр в комнату широкими и поспешными шагами вошел человек лет пятидесяти, среднего роста, русоволосый с незначительной проседью, в очках, взлохмаченный и давно не стриженный и с выражением на лице сумрачно-отсутствующим.

Не обратив на присутствовавших ровно никакого внимания, человек этот подошел к столу, снял трубку телефона, набрал номер и, дождавшись ответа, негромко произнес:

– Мама, ты?

Соблазн услышать, о чем пойдет речь, был велик. Дело в том, что мысли капитана Тригорьева шли сейчас в одном определенном направлении и всякая вещь виделась с одной определенной точки зрения. Так что сейчас он готов был поверить в то, что «мама» на самом деле означало не степень родства, но было лишь блатной кликухой. И вместо того чтобы откланяться, Тригорьев снова взял конторскую книгу и стал медленно ее рассматривать, словно стараясь отыскать среди записей что-то крайне важное. На самом же деле он очень внимательно слушал.

– Да нет, ничего, – говорил тем временем стоявший у телефона. – Вот только что закончил... Нет, к сожалению. Да и чего можно было ожидать: столетняя дистанция, следов почти никаких... Ну, что-что: в раствор, конечно... Ничего, всякий опыт полезен... Да, выхожу. Ну какой же кефир в такой час?..

Капитан Тригорьев и еще послушал бы для пользы дела. Но А. М. Бык уже поднялся и принялся убирать все со стола, потом деликатно потянул из рук инспектора книгу, и тот лишь скользнул глазами еще по одной из множества записей:

«Перестук Борис Петрович... Полный возврат... Информация – по месту жительства... Дополнительная: Востряк. кл.»...

Где-то сегодня он уже слышал о Востряковском кладбище. Совпадение?

А. М. Бык уже застегнул свой пиджачок и готов был покинуть помещение, но не прежде капитана Тригорьева. Когда они вышли в предбанник, капитан очень негромко спросил:

– Это кто был?

– Землянин, – ответил А. М. Бык таким же средней громкости шепотом.

Эта явная насмешка рассердила капитана Тригорьева. Хотя и пахло на него от этого слова юностью – фантастикой, пришельцами, землянами и гиперпереходами, – сейчас это было вовсе некстати.

– У меня все, – сухо проговорил он и быстро двинулся вверх по лестнице.

Шагай он и дальше с такой скоростью, Тригорьев минуты через три оказался бы уже на троллейбусной остановке, а через пять – в метро. Но у него успел созреть совсем иной план действий.

Поэтому он дошел только до ближайшего перекрестка, свернул, вышел на ксати под-вернувшуюся детскую площадку, в этот час опустевшую, уселся на скамейку и стал угова-ривать самого себя и доказывать, что для блага закона приходится иногда этот самый закон нарушать, что моральное право (хотя, может быть, он и не этими именно словами думал) на его стороне и что он просто-таки обязан совершить замышленное в ближайшие полчаса, от силы час. Он просидел на детской площадке ровно столько, сколько понадобилось, чтобы убедиться, что А. М. Бык пересек перекресток и скрылся в переулке. Тогда капитан встал и решительно направился туда, откуда столь недавно вышел.

V

Он рассчитал правильно. Кооперативщики ушли, но на их территории сейчас орудовала уборщица, и верхняя дверь потому не была заперта. Бесшумно ступая, Тригорьев спустился по лестнице, но, оказавшись на площадке, не пошел по старым следам, но совершил нечто вроде бы совсем неожиданное, а именно: отворил правую с площадки дверь с болтающимся замком, прошмыгнул в нее – и так же бесшумно затворил ее за собой.

Здесь было почти совсем темно. На окнах, под самым потолком, давно уже выросла толстая кора грязи. Гнилые половицы предательски прогибались под ногами, чтобы больше уже не выпрямиться. С потолка свисали длинные пряди пыльной паутины. Пахло давней, затхлой тишиной. Безотчетно морщась, Тригорьев медленно, осторожно продвигался, вспоминая на ходу. Сейчас будет дверь налево? Он пошарил. Двери не оказалось, но проем, точно, существовал. Жалея о лежащем дома фонарике, капитан повернул. Эту комнату – или бывшую комнату, черт ее знает – надо было пересечь и там, миновав еще одну дверь, снова свернуть налево.

Что-то заворчало рядом, и он вздрогнул. Но то лишь труба была, толстая, четырехдюймовая, «сотка». Правильно, тут ей и следовало находиться. Подумав так, капитан тут же зашипел. Тут одной половицы был недочет, и его угораздило как раз попасть ногой в щель. «Только ногу сломать мне сейчас и не хватало», – подумал он. Хотя – пока его еще ни в чем нельзя было упрекнуть: он находился еще на нейтральной территории, на ничьей земле. Но и запретная уже приближалась: Тригорьев убедился в этом, потянув носом воздух и явственно ощутив шершавый запах кислоты, не резкий, но специфический – тот самый, который (показалось ему) он уловил, еще сидя визави А. М. Быка в кооперативной приемной. Сейчас будет переборка. Глухая вроде бы, делящая подвал на две независимые половины. Тригорьев вытянул руки перед собой и пошел совсем медленно, приоткрыв от напряжения рот. Ага. Вот она. Капитан осторожно зашарил растопыренными пальцами. Сухой шорох увядших газет, коими оклеена была переборка, прерывался, когда пальцы попадали на голую доску, неприятно-занозистую. Старая переборка. Кооператив не стал ставить новой, и понятно: деньги-то не чужие, и нечего зря бросаться. А в старой переборке справа, в углу, была раньше дверца, проделанная в складские времена и потом снова заколоченная, но – кое-как, понятно, потому что все в жизни делалось кое-как. Где же она? Неужели наглухо заделали? Не верилось: не станут у нас делать что-то, чего можно и не делать, это дело принципиальное, а принципами у нас, как известно, не поступаются. Тригорьев внимательно смещался вправо. Ага! Просто память подвела немного, и до дверцы оказалось чуть дальше. Он повел пальцами по контуру. Так и есть: гвозди были просто загнуты, ничего не стоило расшатать их и отвести в сторону. Так Тригорьев и сделал. Потом прислушался, держа ухо близко к переборке. Слабый шум доносился издалека, затем глухо стукнуло, и все умолкло. Ушла. Для верности Тригорьев обождал еще с минуту, потом потянул дверь. Ржавые петли откликнулись хриплым, неприятным визгом, но уступили.

Видимо, он попал в кладовку: оставляя лишь узкий проход, вдоль стен тянулись массивные полки, на которых стояли бутылки и банки, лежали бумажные и пленочные пакеты – увесистые, тугие. Пришлось снять несколько, чтобы между заслонявшими путь полками пролезть в проход. Двигаться приходилось на ощупь; впрочем, немного света с улицы все же пробивалось. Проход уперся в дверь – запертую, но замок был накладной, с этой стороны. Следующая комната оказалась озвученной: что-то шуршало, что-то сдержанно, удовлетворенно гудело. После первого смущения выяснилось, что звуки понятны – шуршал вентилятор, гнавший воздух наружу, гудел же, похоже, трансформатор в шкафчике. Еще стояли какие-то баки, и в них медленно булькало. Похоже было на лабораторию, уголовщиной тут

и не пахло вроде бы – но ведь не ошибся же Тригорьев тогда, опознав у лестницы человека по давнему, но уцелевшему в цепкой памяти словесному портрету?.. Оставалась одна дверь впереди, она даже не была заперта. Капитан отворил ее и вошел.

Эта комната была просторней, в ней стоял теплый воздух и кислотой пахло сильнее. Горела лампочка, слабая, правда, – то ли уборщица забыла выключить, то ли так и полагалось. Сюда шли трубы из той комнаты, откуда Тригорьев вышел, другие выходили из боковой стены. Все трубы впадали в большую ванну, занимавшую один угол и накрытую белым непрозрачным колпаком; в ней едва слышно что-то плескалось. Тригорьев продолжал оглядываться. Уходил в ванну также и толстый кабель, и еще какие-то тонкие провода, некоторые из них шли к стоявшему в другом углу столу, на котором возвышалось нечто, накрытое чем-то вроде скатерти. Тригорьев приблизился, осторожно приподнял ее: под нею оказался персональный компьютер, сейчас выключенный. «Хорошо, – подумал капитан, – что никто из блатных не знает, отсюда только ленивый не возьмет...» Он бережно опустил покрывало. Оставалось лишь заглянуть в ванну и уходить, откуда пришел. Ничего не обнаружено – и слава Богу. Тригорьев примерился и попробовал сдвинуть крышку. Колпак не поддавался: его удерживала целая система рычагов. Хорошо, что лампочка горела: Тригорьев быстро разобрался, как сделать, чтобы и колпак приподнять, и не повредить ничего, не наследить. Наконец белая крышка позволила приподнять ее и заглянуть в ванну, и капитан Тригорьев так и сделал и увидел труп.

Труп плавал в ванне, и, судя по запаху и по состоянию тела, там не вода была, а крепкая кислота – серная скорее всего. Хорошо бы взять на анализ, подумал капитан. Но не во что было. Капитан махнул рукой и, силясь не закашляться от скверного испарения, стал всматриваться в тело. Уже не определить было ни черт лица, ни каких-либо других особенностей; пол, правда, еще угадывался: тело принадлежало мужчине. Фотоаппарат был сейчас просто необходим, но он, как и фонарик, находился не близко: ну можно ли так бездарно выходить на операцию? – упрекнул Тригорьев сам себя. Но, значит, не подвела интуиция: труп налицо, а значит, и преступление. Самое трудное, понятно, впереди: установить – чей труп, и как сюда попал, и – кто убил, и – почему, и так далее. Но главное – не зря он пробрался сюда, нарушив закон...

Он медленно, аккуратно опустил колпак на место. Огляделся: не оставил ли следов? Нет. Двинулся в обратный путь, осторожно пролез между полками и вернул на место два пакета, что снял раньше. Тихо вышел на лестницу.

Оказавшись на улице, Тригорьев сразу заторопился. Нельзя было терять времени. Выскочив через три минуты на Садовое кольцо, капитан почти бегом направился к остановке и там дождался троллейбуса, следовавшего в сторону Парка Культуры.

То, что он видел, и то, что по этому поводу думал, показалось ему настолько серьезным, что капитан решил, не откладывая, еще прежде доклада по команде, неофициально обсудить дело с дружкой, с которым они в свое время вместе кончали училище; у дружка служба проходила куда успешнее, был он уже подполковником и работал не в отделении, и даже не в Московском Главном управлении, но в Министерстве, в новом его здании. Туда-то и направился сейчас Павел Никодимович, участковый инспектор и капитан.

VI

Подполковник Маскуратов, работавший в Министерстве, встретил однокашника по-дружески, не чинясь, не преминул поинтересоваться, как жена и дети, как служба, а затем выказал готовность послушать то, с чем пришел к нему старый приятель.

– Понимаешь, – сказал Тригорьев. – Зашел я сегодня на моем участке в один кооператив...

Услыхав слово «кооператив», подполковник не то чтобы прервал Тригорьева, но только чуть склонил голову к плечу, давая понять, что если уж говорить о кооперативах, то разве что открылось что-нибудь вроде торговли танками, как в АНТе, а еще лучше – истребителями-перехватчиками, мелочи же всякие – дело отделений, но уж никак не Министерства.

– погоди, дослушай. Знаешь, кого я там засек? Андрюшеньку Амелехина!

– Мм? – спросил подполковник Маскуратов.

– Не помнишь? Лет одиннадцать назад – ты тогда еще в городе работал – мы с тобой оба по тому делу бегали, но его так и не взяли, объявили в розыск. У него еще кличка была «Трепетный Долдон»...

– А! – оживился подполковник. – Доля Трепетный? Здоровый такой, мрачный лоб? Помню, да... И что он сейчас – в кооперативе вынырнул?

– Сейчас я тебе все по порядку...

Подполковник слушал внимательно. Потом сказал:

– Надо было сразу, оттуда, из подвала, вызвать опергруппу.

– Хотел было. Но понял: пока приедут, труп и совсем растает. И потом – спугнули бы зря, сейчас трудно сказать, сколько и какого народа в этом деле завязано.

– Пожалуй, что и так. Ну а что такое этот кооператив на самом деле, как полагаешь?

– Да версии разные. Вот например: крадут сейчас в Москве и грабят активно...

– Тсс! – сказал Маскуратов. – Враг подслушивает!

Оба немного посмеялись.

– И вот представь себе такую возможность. У людей взяли что-то ценное, дорогое – не только по стоимости, цена там может быть и небольшой, но, скажем, реликвию. Лорнет прабабушки там или какой-нибудь прапрадедушкин Станислав с мечами...

– Ну, Паша! – сказал Маскуратов. – Просто не ожидал от тебя.

– А что? – насторожился Тригорьев.

– Растешь на глазах! Какие слова знаешь! Лорнет, а? Просто приятно слышать. Ну, допустим. И что же?

– И вот возникает некая организация, которая с одной стороны контактирует с преступным элементом, а с другой предлагает услуги потерпевшим. Уркам хорошо: не надо рисковать при сбыте. И потерпевшим: получают свое назад, а мы ведь далеко не всегда... И вот кооператив назначает цену за отыскание похищенного: то, что хотят урки, плюс какой-то процент в свою пользу. Просто и доходно. Как тебе моя версия?

– А труп тогда при чем?

– Ну, это уже другой вопрос. С кем-то не договорились, кто-то стал права качать – так что ничего удивительного – в наши-то времена...

Маскуратов немного подумал.

– Конечно, если прямо говорить, – молвил он затем, – не самое по сегодняшней московской обстановке актуальное дело. Хотя... кто знает, если начнем разматывать – мало ли еще на кого выйти можно. Слушай, тут ведь может и другое еще быть: кооператив может и наводку давать, заранее прикидывая свою выгоду... – Подполковник явно заинтересовался. –

Да, может элегантно получиться, – в свою очередь щегольнул он нештатным словечком. – Да еще тело – значит дела там идут и всерьез. Во всяком случае, стоит заняться. Как полагаешь?

– Думаю, в первую очередь приглядеться к Долдону. Не случайно ведь он оказался в кооперативе? Может, он связной? Или доставщик товара?

– Гм, – проговорил подполковник. – Что-то мне о нем вспоминается, и, прямо скажем, мрачноватое. Связной? Да нет, как бы он исполнителем не оказался? Тело-то откуда-то взялось? Тут, Паша, может и такой оборот быть: кооператив – просто вывеска для завлечения людей, а как только денежный человек зайдет – его и кончают – и в кислоту, и никаких следов. Значит, нужен кто-то, убийца нужен, на это даже и нынче не всякий решается... Но интересно: куда же Амелехин тогда девался и где все эти годы пребывал? Или его тогда повязали все-таки, и он срок отбывал? Ну-ка, потревожим спецотдел...

Он набрал номер, немного поговорил, немного обождал, потом еще некоторое время слушал, непонятно хмыкая под нос, положил трубку и повернулся к Тригорьеву.

– Слушай-ка, Паша, а обознаться ты не мог?

– Точно, он. У меня словесный портрет по ориентировке до сих пор в памяти сидит. Да не он один, у меня, понимаешь, память такая... – произнес Тригорьев, как бы даже оправдываясь. – Даже я удивился: столько времени прошло, а он и не постарел ничуть... А в чем дело? А, Боря?

Он тут же спохватился: не надо было, наверное, так называть подполковника в его служебном кабинете. Тот, однако, не обратил на фамильярность никакого внимания.

– Ну да, ну да, – бормотал он. – Вспоминаю теперь... Потому он и по делу в дальнейшем не проходил.

– Да что такое?

– А то, – сказал подполковник, склонив голову к правому погону, – что, по имеющимся данным, Амелехин Андрей Спартакович скончался во время следствия, а точнее – убит при задержании и похоронен двадцать первого мая восьмидесятого года!

– Двадцать первого мая восьмидесятого года... – повторил, словно угасающее эхо, капитан Тригорьев.

Друзья помолчали.

– М-да, Паша, – сказал затем старший из друзей. – Странно получается: ты опознаешь того, кого давно на свете нет, обнаруживаешь тело – а оно на глазах тает... Как, на тебя перемены погоды не действуют? Все же мы с тобой не молодеем...

Тригорьев проглотил комок и отрицательно покачал головой.

– Ну, тогда иди, займись делами. И учти: хватает нам и живых правонарушителей, а чтобы покойники вставали и выходили на дело – это, конечно, сенсационно звучит, но, ей-богу, никто не поверит. Все. Бывай!

Тригорьев машинально поднялся, надел фуражку, откозырял и вышел.

Уже снаружи, между колоннами, выйдя из Министерства и остановившись, чтобы закурить дефицитную сигарету, Тригорьев заметил, как дверь подъезда, из которого он только что вышел, снова отворилась и выпустила еще одного человека. И в человеке этом капитан с немалым удивлением сразу же опознал не кого иного, как того самого, по кличке Землянин, не столь давно покинутого им в подвальном кооперативе.

Землянин тоже остановился неподалеку, но закуривать не стал, а лишь машинально приглаживал свои неухоженные волосы, никак не желавшие прилично улечься на голове.

«Вот это номер, – подумал Тригорьев невольно. – Ему-то здесь что делать? Не с повинной же являлся. А может быть... – вдруг ужалила мысль, – может, быть, у него тут какой-то свой человек завелся? Ну дела...»

Землянин еще немного потоптался на месте, потом, словно решившись на что-то, широким, торопливым, чуть подпрыгивающим шагом двинулся по Хлебной улице к остановке троллейбуса.

VII

Прежде чем продолжить повествование, мы вынуждены со всею свойственной нам деликатностью указать на ошибку, допущенную капитаном Тригорьевым в его рассуждениях.

Дело в том, что Землянин было вовсе не кличкой, как предположил было Павел Никодимович, но фамилией. К сожалению, мы не можем подкрепить эту информацию безотказно убеждающей ссылкой на то, что такую же, мол, фамилию носили и отец его, и дед, и прадед; не можем потому, что как раз отец Вадима Робертовича, нашего героя, – Роберт Карлович носил другую фамилию, а именно – Маркграф. Нет, он был немец, и даже не из давно обрусевших колонистов, но приехал в Москву в двадцатые годы, чтобы работать в Коминтерне, чем и вызвано то, что век его оказался прискорбно недолгим. Судьба отца и привела к тому, что носил Вадим Робертович фамилию матери, а не отцовскую, уже самым звучанием наводившую на мысль не только о национальной, но и о классовой чуждости; хотя нам, например, был знаком человек по фамилии Кайзер, ни в каком родстве ни с Габсбургами, ни с Гогенцоллернами не состоявший. А напротив... Ну да ладно, это все пустяки.

Пока мы объясняли эти обстоятельства, Вадим Робертович успел уже добраться до дома и теперь приближался к двери двухкомнатной квартирki на третьем этаже пятиэтажки так называемого районного строительства. Квартиру эту его мама получила на себя и сына в ту пору, когда доказано было, что покойный Р. К. Маркграф ничьим агентом не являлся, преступлений не совершал и потому подлежал полной реабилитации по линии как государственной, так и партийной. Итак, В. Р. Землянин нашарил в кармане ключ, существовавший отдельно от связки, имевшей отношение к кооперативу, и отпер дверь. И тут же из кухни в прихожую навстречу ему вышла женщина, которой он сказал ласково:

– Ну, вот и я, мамочка.

– Ну что? – спросила мама, не дав даже сыну времени, чтобы войти в комнату.

– Плохо, – сказал он, разводя руками. – Как горох об стенку.

– Наверное, – сказала мама недоверчиво, – ты как-нибудь не так разговаривал.

– Ну, не знаю, как еще, – сказал Землянин. – Я все логично объяснил.

– А он, как, по-твоему, поверил?

– Боюсь, что нет... Мама, я ужасно проголодался.

– Да, действительно, что же это я... Впрочем, мне кажется, с моей стороны это вполне извинительное волнение. Мой руки и садись, Вадик, сейчас я тебя покормлю. Но пока ты моешь руки, ты ведь можешь рассказывать? Так, значит, он не поверил?

– Похоже на то. Он сказал, что такого не бывает и быть не может, а значит, и говорить не о чем. И знаешь, его можно понять.

– Пожалуй, можно, – сказала мама, подумав. – Но как же быть? Не могу же я жить без паспорта, без прописки, визитной карточки. Хорошо еще, что дворник не спрашивает. Но ведь я боюсь даже выйти на прогулку – вдруг спросят документы. Я уже не говорю о пенсии...

– Закон о пенсиях как раз принят, – сказал Землянин.

– Знаю, я внимательно следила. Если бы не телевизор, вообще не знаю, чем бы я жила. Но ты ведь знаешь: пассивное существование не по мне, и я всю жизнь...

– Потерпи, мама, – попросил Вадим Робертович, быстро доедая суп. – Вот возьмут и отменят вскоре и паспорта, и прописку, и все будет в полном порядке!

– Не знаю, – сказала мама задумчиво, – станет ли от этого больше порядка. И вообще, сильно сомневаюсь, что такой закон будет принят. Нет, я категорически против того, чтобы сидеть и ждать у моря погоды. Жизнь есть движение.

– Хорошо, мама, – покорно проговорил Землянин, принимаясь за американские, почти совсем мясные котлеты. – В конце концов, как говорят знающие люди, в наше время за деньги можно купить все, что угодно: паспорт, диплом доктора наук... Хочешь быть доктором наук?

– Вадим! – сказала мама металлическим голосом. – Во-первых, таких денег у тебя нет. А во-вторых, прошу раз и навсегда не вести подобных разговоров. Да, мне нужен и мой паспорт, и партийный билет, и пенсионная книжка. Но, как ты прекрасно знаешь, моя совесть всегда была чиста перед родиной и перед партией, и я ни в коем случае не позволю себе... Сейчас, когда партии так нужна поддержка...

– Но я просто не знаю, – сказал Землянин, – что еще можно сделать после того, как я получил полный отказ властей.

– Если бы ты следил за событиями жизни так же внимательно, как я, – назидательно произнесла мама, указав рукой на приютившийся на подоконнике телевизор «Юность» в розовом пластмассовом корпусе, – то понял бы, что сегодня власть – это Верховный Совет! Подумаешь – отказал какой-то полковник или пусть даже генерал в Министерстве! Надо идти к депутату! Нужно добиваться, чтобы был принят закон, как ты не понимаешь, сын!

– Может быть, тогда уж прямо к Ельцину? – спросил сын с той долей иронии, которую любящий сын может позволить себе по отношению к своей маме.

– Нет, – сказала мама. – После того, как он вышел из партии?! И не к этой... межрегиональной группе: они мне представляются слишком «рреволюционными», как писал Ленин в...

Тут Землянин поспешил согласиться. Мама до ухода на пенсию преподавала Научный коммунизм, а до того Основы марксизма-ленинизма, а еще до того – Историю партии в одном из московских вузов, и когда она в разговорах добиралась до первоисточников, ключи начинали бить обильно. А обращаться к первоисточникам она любила.

– Ладно, – сказал он. – Попробую попасть к нашему депутату.

– Вот что, – решительно сказала мама. – К депутату я пойду сама. Ты слишком нерешителен и недостаточно принципиален и не скажешь того и так, как нужно. Но еще раньше я пойду в райком партии. Там меня поймут. Я почти пятьдесят лет в партии и хочу жить полнокровной партийной и гражданской жизнью, а не просто восстановить прописку и пенсию. Да, я завтра же запишусь на прием к секретарю – и вот увидишь, как быстро и правильно все решится!

– Мама! – сказал Вадим Робертович. – У нас сегодня кофе или чай?

– Прости, – сказала мама, – совсем забыла. Чай. К сожалению, в магазине не было твоего любимого печенья. И вообще никакого не было. Но удалось достать белого хлеба. Я могу поджарить его на маргарине. Белый хлеб. Если бы мы в годы войны могли каждый день есть белый хлеб...

– Спасибо, мамочка, я попью просто так, я сыт, – сказал Землянин, подумав, что мама его и сегодня осталась такой, какой была всю жизнь; а если бы оказалась иной, то это была бы уже не его мама и Землянин наверняка упрекнул бы себя в том, что в своих расчетах или действиях в кооперативном подвале допустил какую-то ошибку. Однако все было сделано точно: что называется, мастерская то была работа. Штучная. Высокое ремесло.

VIII

Но хватит о Землянине: события заставляют нас немедленно вернуться к капитану Тригорьеву.

Старший участковый инспектор еще некоторое время не мог выйти из неопределенно-растерянного состояния духа, в какое начал впадать еще наверху, в Министерстве, когда узнал, что человек, встреченный им не далее как пару часов назад, на самом деле давно уже умер и погребен, – и в котором окончательно утвердился, увидев крайне подозрительного субъекта по кличке Землянин непринужденно покидающим здание Министерства.

В таком вот состоянии Тригорьев медленно отдалился от только что названного строения, даже не подумав поискать попутчика среди множества ведомственных машин, занимавших просторную стоянку. Он сел в троллейбус и поехал, даже не думая, куда именно едет, вылез через несколько остановок, опять-таки не контролируя своих действий, свернул с магистрали, прошел переулком, свернул в другой – и в конечном итоге оказался именно во Втором Тарутинском переулке, во дворе, прямо напротив кооперативной двери в узкую речку.

Уже не рано было, все рабочие времена закончились, в полуподвальных окошках было беспросветно, кроме одного – там слабо отсвечивала та самая лампочка, при помощи которой капитану удалось усмотреть в ванне медленно таявший труп; может быть, следовало еще раз проникнуть в кооператив, посмотреть, и впрямь ли тело растаяло, а может быть, есть там какие-то следы чего-то? Но капитан Тригорьев такой попытки не сделал почему-то; он лишь глубоко вздохнул, как если бы пережил глубокое разочарование. Хотя, может быть, вздох этот означал совсем другое: а именно, глубокое сожаление о временах определенности и порядка, когда жулики нарушали закон, а милиция их ловила, и было ясно, кто жулик, а кто – нет; а рабочие работали, а политики занимались политикой, а друзья были друзьями, враги – врагами, а в киосках были сигареты, а в булочных – хлеб... Но мы не беремся точно определить, что именно лежало на душе у старшего участкового инспектора, знаем только, что он стоял, глядя в сгустившуюся уже мглу и ничего не видя, да и не желая видеть во дворе – весьма дурно, впрочем, освещенном лишь тремя или четырьмя окошками второго этажа. Было тихо, только раз где-то рядом несмело мякнула кошка, и больше уже ничего не слышно было. Только приглушенно ревела неподалеку знаменитая Тарутинская-Овсяная площадь, где мимо островерхой бывшей Горемыкиной хижины проносился автотранспорт – семь рядов в одном направлении; океанский этот рокот совершенно заглушал звуки машин, заполнявших также недалекий отсюда проспект имени товарища Тверского – овеществленную в камне ночную мечту сверхсрочного фельдфебеля об идеальном равнении и полном единообразии: все как один – и не шевелись! Но на эти звуки капитан Тригорьев никакого внимания не обращал; он просто стоял, отдавшись на волю подсознания, пытавшегося как-то связать в один кружевной узор урку по кличке Трепетный Долдон, его во благовремени кончину и сегодняшнее явление в кооперативе, где подвизался некто по кличке Землянин, в конце рабочего дня навещавший, как оказалось, Министерство, которое ему бы обходить за десять кварталов... Станные, прямо скажем, образы возникали в подсознании и образовывали совсем уж невразумительные картины. Вдруг почудилось капитану Тригорьеву Павлу Никодимовичу, что так называемый Землянин, выйдя из Министерства, вовсе не к троллейбусу двинулся и не к метро, что было бы естественно, но дошел до стоянки только, а там сел в машину, и не в «жигулек» или «Москвич» какой-нибудь, а сел он – упорно внушало старшему участковому подсознание – в черную «Волгу», причем не за руль, а рядом, и «Волга» будто бы потом проскользнула поблизости от Тригорьева, так что он, чисто механически, даже номер заметил и, естественно, запомнил, и номер этот был не какой-нибудь там, но с

Лужайки – то есть, имевший прямое отношение к большому дому на Лужайке с видом на памятник и обратно. Если этим картинкам поверить, то получалось очень даже интересно: что и весь кооператив этот был не чем иным, как каким-то из лужаечных подразделений; а из этого могло следовать, что пресловутый Амелехин на деле не помирал вовсе, но был официально списан в покойники, потому что понадобился для выполнения каких-то заданий, а вот теперь, по прошествии лет, выполнив задание, был возвращен сюда для свидания с родными – может быть, в связи с награждением или с присвоением звания полковника (подсознание Павла Никодимовича уверено было, что в системе Лужайки все сплошь полковники, хотя здравая память подсказывала, что есть там и капитаны, и даже лейтенанты наличествуют, но ведь десять лет отсутствовать – значит зарубежье, а уж там ниже полковника никого не бывает, точно)... Правда, как-то не вязалось даже в подсознании представление, составленное по произведениям разных искусств, о наших зарубежниках – с туповатым, скажем прямо, мурлом Доли Трепетного; одного, Лужайка есть Лужайка, кто их там разберет, может, им такие тоже нужны бывают? Вот как все выстраивалось; и если в это поверить – надо было на все плюнуть и кооператив этот обходить по дуге большого круга. Однако же подсознание подсознанием, но профессиональное милицмейское чутье Тригорьеву подсказывало, что не так все, вовсе не так, хотя, с другой стороны, и не так скорее всего, как он спервоначалу подумал. А значит —...

Тут ему не дали додумать, прямо-таки грубо спугнули мысль, и она, шумно затрепав крылышками, вмиг улетела – поди, насыпь ей соли на хвост. Капитан Тригорьев резко тряхнул головой, резво отшагнул назад и даже чуть было не применил неуставное выражение. И тут же обрадовался тому, что такой промашки не совершил, иначе замучили бы его тяжкие угрызения совести.

Потому что не злоумышленник потревожил его раздумья, и не алкаш какой-нибудь, и даже не заблудившийся командировочный, мечтающий выйти к станции метро. Но – девушка, совсем небольшая, молоденькая, в светлом платьице, позволявшем и при этом освещении, а правильнее – при его отсутствии – различить, какая она тонкая, хрупкая и – порядочная. Нет, в этом сомнений никаких не было, тут у капитана чутье было профессиональное, и шалаву он в два счета срисовал бы даже и на дипломатическом приеме, будь она хоть в камнях и соболях – если бы его, конечно, на такие приемы приглашали. Нет, эта девушка была из тех, кому, по нынешним нашим временам и нравам, ходить в темноте по темным переулкам, не говоря уже о дворах, противопоказано. Вот почему Тригорьев отнесся к девушке положительно: приложил, как положено, руку к фуражке и произнес ободряющим голосом:

– Слушаю вас.

Он, конечно, не мог заранее знать, о чем его попросят. Но предположить имел право. Скорее всего девушка припозднилась и боится идти в одиночку, а увидела милиционера и решила попросить: пусть проводит – ну хоть до метро. А он и проводит, и даже с удовольствием: пройти рядом с такой девушкой всякому приятно. Но девушка, вопреки его готовности, что-то медлила, и он поощрил ее еще более доброжелательно:

– Чем могу помочь?

Она решила наконец. И сказала совершенно неожиданное:

– Скажите... вы это охраняете? – И, чтобы яснее было, даже тронула пальцами кооперативную дверь, рядом с которой они стояли.

Капитан Тригорьев, привыкший быстро справляться с удивлением, хотел было честно ответить «нет», однако что-то побудило его дать ответ неопределенный:

– Гм...

Видимо, девушка приняла это междометие за утверждение.

– Значит, вы их знаете? Ну, вот... кто тут работает.

На этот вопрос капитану ответить было легче:

– Знаком.

Что было, как мы знаем, чистой правдой – хотя и не всей.

– Тогда помогите! – сказала девушка странно напряженным голосом. – Попросите их... у них уже очередь, а я не могу ждать, просто не могу так жить... Пусть они побыстрее вернут маму! Иначе я...

Она не сказала, что – иначе: видно, самой стало страшно от того, что хотела вымолвить. Тригорьев же сразу насторожился: тут начинался разговор, похоже, очень даже интересный.

– Так-так, – произнес он внушительно. – Конечно, милая девушка, маму вернуть это, так сказать, дело святое. Вы только расскажите: куда же они ее девали, когда и при каких обстоятельствах. Внешность опишите, что запомнили. А мы уж сразу...

Он не закончил, потому что даже в темноте увидел, какими вдруг расширившимися глазами посмотрела на него девушка.

– Почему – девали? – спросила она с искренним и каким-то надрывным недоумением. – При чем тут?.. Мама же умерла! – Она с отчаянием взмахнула рукой. – Ничего вы не знаете, лжете вы!

Тригорьев невольно огляделся: когда в темноте рядом с тобой так кричит женщина, это может быть превратно истолковано сторонним наблюдателем, который обязательно подвернется. И он протянул было руку, чтобы прикосновением успокоить собеседницу, но ее больше не было рядом, платье только кратко пробелело в глубине двора – и все.

Да, воистину был сегодня день неожиданностей – одна другой похлеще.

Умерла мама. Так. И Амелехин А. С. тоже умер. И вновь оказался среди живых. Мама, судя по разговору, тоже может вернуться к жизни – если эти помогут. И к ним уже по этому поводу стоит целая очередь, на предмет оживления – если только девушка эта не из психушки сбежала. Могло, конечно, и так быть. Но уж очень все совпадало, чтобы быть простым совпадением.

– Так-так, – вновь проговорил капитан, уже самому себе. И почувствовал загорающийся в груди веселый огонек азарта.

Девушку он упустил, зря, конечно: растерялся. Но она и сама выйдет на кооператив. А вот Долдона упускать никак нельзя. Адрес его известен. Сегодня? Нет, лучше завтра с утра.

IX

Нередко события умирают вместе с ушедшим днем: минует ночь, наступает новое утро – и то, что накануне волновало нас столь остро, оказывается вдруг незначительным и не заслуживающим хоть сколько-нибудь пристального внимания. Но в нашем случае получилось вовсе не так, и начавшиеся вчера события продолжали развиваться – порой, откровенно говоря, совершенно неожиданно даже для нас, кому уж следовало бы хоть как-то их предвидеть.

Кое-что, правда, мы предугадали верно. И в частности – что уже ранним утром в дверь квартиры номер двадцать шесть в Первом Отечественном тупике позвонят. Так и случилось на самом деле.

Когда звонок этот прозвучал, Револьвера Ивановна успела уже проснуться, но была еще не вполне одета. Молодые же (так она по привычке все еще называла своего сына с супругой) крепко спали в соседней комнате, потому что, надо думать, вчера уснули поздно; и то – когда и потешиться, как не в молодости, да еще после долгого перерыва? Бинка, конечно, за эти годы моложе не стала, под сорок уже, но даст Бог, еще и внучонка состряпают, Андрюшка зато в самом соку... Так размышляла Револьвера Ивановна, накидывая белый в фиолетовых розах домашний халатик, прежде чем направиться к двери, в которую тем временем уже и повторно позвонили, громко и продолжительно, выражая явное нетерпение. Да, утомились, верно, молодые, раз и от такого трезвона не просыпаются... Да иду я, иду, вот горячий какой... Кого это нам Господь сподобил?

Сохраняя прежнюю неспешность в движениях, она приблизилась наконец к двери, откинула цепочку, открыла верхний замок, нижний и отодвинула надежный засов. Действия эти она производила вдумчиво, с удовольствием. Револьвера Ивановна любила замки, и не потому, чтобы обладала ценностями, на какие могли польститься столь активные в наши дни налетчики; нет, добра у нее было накоплено – всего ничего, но именно накоплено, а не раздва схвачено, каждая табуретка приобреталась не сразу, а после долгих сборов и расчетов, и была потому куда дороже иного финского гарнитура, за дурные деньги купленного. Дурные деньги, – она знала, – водились раньше у Андрюшки, но от них Револьвера Ивановна давно уже раз и навсегда наотрез отказалась, и в доме они не застревали, вовсе и не пахло ими. Вот почему свои крюки и задвижки холила, ласкала и смазывала, предвидя, быть может, что не за горами времена, когда и за трехногой табуреткой станут охотиться, как за редким зверем. Станные предчувствия бывают у пожилых людей, так что уж простим ей. Тем более, что она как раз и последний запор освободила.

Дверь тут же распахнулась, и Револьвера Ивановна невольно совершила шаг назад, хотя еще за миг до того впускать никого не собиралась, но лишь выговорить строго, что лезут вот, ни свет ни заря, пронюхали, что вернулся Андрюшка, и хотят снова сбить его с пути, отвратить от честной жизни, но он-то теперь знает, чем это кончается, и больше к ним нипочем не пойдет, и она, Револьвера Ивановна, им с порога так и скажет, и – веником, веником, да по сусалам, веник тут же был, под рукой... Так она прикидывала; отступила же невольно потому, что никого из недобрых дружков за порогом не оказалось, а реально фигурировал в дверном проеме сам капитан милиции Тригорьев Павел Никодимович, и что-то в ней, в самом нутре, затрепетало и опустилось, потому что ждать добра от визита не приходилось, а не позволить участковому вступить в жилье было никак невозможно.

– Здравствуйте, Вера Ивановна, с бодрым утречком, – доброжелательно поздоровался Тригорьев. У него чувство юмора не вовсе отсутствовало, и с людьми солидными и добропорядочными он иногда позволял себе поздороваться именно так: с бодрым, а не с добрым

утречком. Как бы предупреждая неброско, что будет ли добро от его визита – еще надвое сказано, но уж бодрости он даже ленивому придаст. – Разрешите вас побеспокоить?

– Ранняя ты пташка, Павел Никодимович, – молвила в ответ старуха, сделав тем не менее еще один попятный шаг. Обращение Тригорьева пришлось ей по нраву: назвал он ее по-людски Верой Ивановной, а не Револьверой (с похмелья тогда были отец с матерью, что ли, прости, Господи, мое прегрешение – так думала обычно о своем имени старшая представительница семейства Амелехиных), – а значит, разговор будет не вполне служебным с его стороны, да и то – до вчерашнего дня Андрюшки десять лет дома не было, а там, где был, он ничего такого совершить не мог, так что опасаться ей было вроде нечего. – Мои все спят еще, – продолжала она, приободрившись такими размышлениями, – и будить не стану, не неволь – дело, сам понимаешь, молодое...

– А и не буди, Верванна, – согласился капитан, тоже перейдя на ты в знак неофициальности своего визита. – Пускай спят. А мы с тобой хотя бы на кухне потолкуем. И чайком, может, угостишь, а то я и позавтракать не успел...

– И у меня маковой росинки еще во рту не было. Попьем чайку, как же не попить, – сразу захлопотала Вера Ивановна, утвердившись в своих соображениях: приди милиционер с казенным делом – он, как человек щепетильный, ни к чему не прикоснулся бы. – Чай только турецкий. Другой весь выпили.

– Имею уже опыт, – откликнулся Тригорьев. – Ты его сыпь горстью, ничего, заварится.

Они прошли на кухню – тесноватую, но вдвоем, да и втроем даже можно было уместиться за раскладным столиком под клеенкой; тут же заголубел газ, приглушенно, как бы только для своих, доверительно зашумел чайник. Вера же Ивановна тем временем поставила на стол две разные чашки с блюдами, хлеб, масло и банку болгарского сливового джема. Сахар тоже поставила, но знала, что к нему участковый не прикоснется, как к продукту нормируемому, на который сейчас оказалось уже три человека на два талона; в этом месяце давали, правда, на талон по три кило, так что запас образовался, варенья не варили – к ягодам на рынке в этом году и не подступиться было, дешевле оказалось брать в овощном повидло или джем. Положила хозяйка также ложечки и нож, чтобы хлеб резать, и другой – чем мазать. Нет, не то чтобы в доме ничего больше и не было, запасли кое-что, но для того только, чтобы по-людски отметить Андрюшкино возвращение, а не для угощения пусть даже и милиционера; знай Вера Ивановна за собой хоть какую-то вину, тогда, конечно, и достала бы что-нибудь из заглазника, банку сайры хотя бы. Но вины она никакой не чувствовала, жила по закону, и даже у Андрея все теперь осталось в далеком прошлом.

Чайник поспел, и она заварила чай, сказав радушно: «Угощайся, Павел Никодимыч, чем богаты, тем и рады» – и уселась сама. Отпили по глоточку, намазали и съели по куску батона с джемом (Тригорьев, намазывая, сказал: «Вот, глядишь, скоро и болгары давать перестанут, а венгры уж точно, что на хлеб мазать будем?»), на что хозяйка ответила со вздохом: «Уж и не знаю, в Америке, что ли, джем покупать станем»), еще запили, и только тогда Тригорьев заговорил по делу, хотя внутренне так и сотрясаясь, словно перегретый котел.

– Вернулся, значит, Андрей Спартакович, – задумчиво произнес он, по милицейской своей привычке глядя Револьверу Ивановне прямо в глаза. – Вот радость-то в дом.

– Уж такая радость, такая радость, – подтвердила хозяйка, и даже вытерла глаза уголком посудного полотенца.

– И понятно, – согласился Тригорьев. – Долгонько его не было. Вербовался куда, что ли?

– Ты только не подумай, Никодимыч, – сказала старуха. – За ним все эти годы ничего плохого не было. А что когда-то случалось – так это все дружки его сбивали, а он – душа простая, доверчивая... Тогда у нас еще старый участковый был, Сидоряка...

– Майор Сидоряка, так точно, – подтвердил Тригорьев. – Сейчас на пенсии уже Николай Гаврилович, на заслуженном отдыхе. А насчет плохого – так или не так, да ведь срок давности вышел. Куда же вербовался он – далеко ли?

– Да как сказать... – несколько замялась Вера Ивановна.

Замялась она потому, что врать не любила, да и не очень-то умела; и все же правду сказать ей что-то мешало. Вроде бы и не было в Андреевом возвращении никакого нарушения закона, ничего ни стыдного, ни подлого, но вдруг старуха поняла, что правда ее – такая, что скорее самому окаянному вранью поверят, чем тому, что на самом деле произошло. – Далеко, Павел Никодимыч, – лишь подтвердила она. – Дальше некуда.

– На Дальнем Востоке был? Или, может, в Заполярье? Вид у него, прямо сказать, не больно здоровый.

– Хворает, оттого и вернулся. Уж я просила, просила. А то и еще бы там остался. – На всякий случай она перекрестила себе живот – чтобы пониже стола, незаметно. Хотя это сейчас в вину уже не вменялось, но все же непривычно было.

– Денег, наверное, привез. Будет вам теперь облегчение.

– Деньги-то у него были, – не очень уверенно согласилась Амелехина, – но не так, чтобы много. Болеть – дело дорогое. Конечно, вроде бы и бесплатно, только... Да и жизнь там дорога. И у нас тут не дешево, а уж там...

– Оттого и супругу к себе не выписывал?

– Оттого, а как же, от того самого. Да и потом, – вдруг осенило ее, – сейчас вернулся он, и его к жене сразу пропишут, а уедь она туда к нему – кто бы их сейчас заново в Москве прописал?

– Не прописали бы, – сурово подтвердил участковый. – А без прописки, сами понимаете, проживать не только в столице, а и где угодно запрещено. Такой существует порядок. Разве что в лимит попали бы, но сейчас вон новый Моссовет грозит и вовсе лимиту упразднить. Хотя, конечно, грозить проще всего, а вот сделать... – Он пошевелил пальцами, и Амелехина согласно кивнула.

– Ну что же, – сказал после небольшой паузы Тригорьев, как бы собираясь закончить разговор, хотя на самом деле до конца еще очень далеко было. – Приехал, значит. На каком вокзале встречала-то?

– А... на Казанском, – нашлась старуха, внутренне страдая.

– Так, так. Багаж, наверное, большой был?

– Н-ну... Багаж, знаешь, он малой скоростью отправил.

– Понятно. Значит, с вокзала без помех – домой?

– Куда же еще; домой, конечно.

– И верно, куда же еще? В кооператив, может, по дороге?

– Да разве что по дороге, – сказала старуха и смолкла.

– Ну ясно, по дороге. Наверное, срочность большая была. Что вы там заказывали-то?

– Да так... Вроде и ничего такого, Павел Никодимыч...

– Так заказывали – или нет?

– Нет, – сказала Револьвера Ивановна, изнемогая.

– Зачем же такая срочность была?

– Да надо было Андрею кого-то там повидать... Привет, словом, передать... издалека.

– Так и запишем, – сказал Тригорьев казенным голосом. – Ну, раз так, пойду я. Я ведь зачем зашел: только предупредить, чтобы с пропиской не мешкали. Прямо сразу пусть сходит, сегодня же. Вот встанет, позавтракает – и сразу туда.

– А как же, Пал Никодимыч, – глядя в сторону, подтвердила старуха. – Непременно, как же иначе.

– Дай-ка мне паспорт его на минутку, взглянуть только, – как бы невзначай попросил участковый, уже совсем было собравшись распрощаться. – Человек он для меня все же новый, и должен я знать, что с ним все в порядке.

Хозяйка дома стала болтать ложечкой в пустой чашке так усердно, словно звонила к ранней обедне.

– А я и не знаю, – сказала она нерешительно, – где у него тот самый паспорт лежит.

– Ну, где лежит! – не согласился Тригорьев. – Не под пол же его спрятал. В пиджаке лежит, в кармане – где же еще? Ну в крайнем случае в тумбочку сунул или в шкаф, под белье. Сходи, возьми тихонечко и принеси, чтобы мне лишний раз не ходить к вам, а то мало ли что...

Это «мало ли что», кажется, напугало старуху больше всего остального, и она, как бы совершив над собой некоторое насилие, проговорила:

– Понимаешь, Павел Никодимович, какая беда вышла, – говоря это, она глядела в чашку с таким видом, словно надеялась найти на дне по меньшей мере три рубля, – тут это... – Не найдя трешки, она с последней надеждой перевела взгляд в окно. – Ах, батюшки, мальчишкам в школу идти, а они на качели залезли! Ты бы приструнил их, Павел Никодимович, а то видишь, какая растет смена...

– Имею в виду, – откликнулся Тригорьев казенным голосом и так же продолжал: – Но не будем, Револьвера Ивановна, отвлекаться от дела. Какая же это беда у вас вышла? Объяснитесь.

– Да потерял он паспорт, когда возвращался. Или украли, кто его знает. И паспорт, и деньги последние, и вообще все дочиستا. Ехать ведь далеко пришлось, ну, выпил с попутчиками, а ему, хворому, много ли надо...

– Так-так, – молвил Тригорьев почти уже совсем строго. – Заявление об утрате паспорта подали уже?

– Да когда же, батюшка мой? Вчера только приехал...

– Когда же собираетесь? Сегодня?

– Сегодня подадим, Павел Никодимович, непременно.

– У него что же – справка с собой есть?

– Какая справка?

– Обыкновенная, по форме: такой-то прописан и проживает там-то...

– Так еще не прописан он тут.

– Значит – оттуда нужна справка, где он все это время жил.

– Напишем туда, напишем, – из последних уже сил боролась Револьвера Ивановна. – Но пока туда напишем, пока ответят – ты уж дай ему пожить спокойно, не чужой ведь человек, мне он сын, Бинке – муж законный...

– Гм, – издал Павел Никодимович, выражая как бы сомнение.

– Да ты что – мне не веришь, что ли?

– Ладно, помогу вам, Вера Ивановна, – сказал Тригорьев, как бы входя в положение. – Милиция поможет. Вы мне назовите то место, где он жительствовавал – адрес, название и прочее, – и мы по своим каналам их милицию запросим. Хоть по телефону. Подтвердят – и не буду вас беспокоить до самой справки.

– Да вот – не помню я, там название какое-то секретное.

– Ну, – сказал Тригорьев, – от милиции секреты бывают разве что у правонарушителей. Не можете вспомнить – придется Андрея Спартаковича будить, чтобы достичь полной ясности.

Сказав это, участковый решительно встал с табуретки, вышел в тесную прихожую и твердо стукнул в ближайшую дверь.

– Гражданин Амелехин! Выйдите-ка на минутку!

Дверь распахнулась сразу, будто в комнате только и ждали такого приглашения. И в самом деле, Амелехин был уже, в общем, готов к разговору – уже в брюках, хотя и в нижней рубашке.

– Гражданин нача-альник! – провозгласил он едва ли не радостно. – Кто бы мог подумать! Я Амелехин, я, не сомневайтесь!

Тригорьев отступил, и Андрей Спартакович вышел в прихожую, аккуратно, без стука затворив за собою дверь.

– Жена спит еще, – пояснил он. – Утомил я ее.

– Дело молодое, – поддакнула старуха из-за милицейского плеча.

– Пройдемте на кухню, побеседуем, – предложил участковый.

– Это мы с радостью. Мать, сообрази поесть чего-нибудь. И пошарь там...

– Шарить не надо, – остановил Тригорьев. – Разговор будет короткий – если темнеть не станете.

– Я тут весь, как на ладошке, – сказал Амелехин. – Чист, как малое дитя. А кто старое помянет, окривеет. Верно, гражданин начальник?

– О старом не будем, – согласился Тригорьев. – Хватит и новостей. Попрошу предъявить документы.

– Еще не обзавелся, – сказал Амелехин и развел руками. – Да вам же мамаша объяснила, как и что было.

– Вот и оденьтесь, пройдемте со мной, там напишете все ваши объяснения и заявления, а милиция их рассмотрит и решит.

– Да что ж тут решать?

– А то: поверить ли вашему объяснению или задержать, как проживающего без документов, и поступить соответственно...

– Гражданин начальник! – сказал Амелехин убедительно. – Да что я, паспорта не достану? Век свободы не видать...

– Не только в паспорте дело, – сказал Тригорьев. – Вы и о том напишете, зачем вчера, едва успев приехать, направились в известный вам кооператив. Уж не документы ли заказывать туда ходили? Фальшивые, понятно? Признавайтесь откровенно и сразу, вам же легче станет, как только ясность наступит. С кем вели переговоры? Кто вас на этот кооператив навел? Ну? Ну?

– Нет, – возразил Амелехин, – чего не было, того не было, что ж попусту на людей катить...

– Зачем же туда ходили?

– Ну значит, надо было. Пришел и ушел.

– Пришли и ушли, да. – Тригорьев наклонился к самому уху Андрея Спартаковича. – А тело осталось.

– Да вы что? Какое еще тело?

– А то. Которое в ванне. Почем вас наняли человека убить?

– Да Христос с вами! – На этот раз Амелехин возмутился совершенно искренне. – В жизнь мокрухой не занимался, а сейчас тем более мне не в цвет...

– Вы мне не лепите горбатого к стенке!

– Да я хоть по-ростовски побожусь...

– Кто же его завалил?

– А я почем знаю?

– Тогда зачем же туда ходили? Давай-ка, Доля, рассказывай все по порядку, как было...

Х

Так начали этот день три – отнюдь не главных, впрочем – героя нашего повествования. Но и остальные не дремали.

Землянин, например, в то самое время, когда разговор между участковым уполномоченным и двумя поколениями Амелехиных вошел в самую интересную свою фазу (где и был нами прерван), находился на приеме у народного депутата. Их собеседование тоже не лишено интереса, и мы постараемся воспроизвести его как можно точнее.

Депутат был очень занят, потому что входил в одну из комиссий Верховного Совета, имевшую своей задачей – разработать такую систему налогообложения, которая как можно скорее привела бы к полному прекращению любого производства и таким образом сделала бы жизнь в стране намного проще, а следовательно – совершеннее, ибо давно уже известно, что все совершенное – просто. Тем не менее, несмотря на свою погруженность в налоговые проблемы, депутат старался выслушать каждого посетителя по возможности внимательно – в том числе и Землянина, который постарался изложить свое дело как можно короче и понятнее.

– Так, – сказал депутат, когда кооператор закончил. – Это все очень интересно. Но я считаю, у вас нет никаких оснований ходатайствовать о снижении налоговой ставки.

– Но я же вовсе не об этом ходатайствую!

– Гм. Тогда я не понимаю...

– Я хочу, – сказал Землянин, – чтобы вы помогли. Не мне. Старому человеку, прожившему нелегкую и честную жизнь и сейчас оказавшемуся в сложном, я бы сказал, даже драматическом положении. В конце концов, она – советская гражданка, этого у нее никто не отнимал, не лишал, и она требует лишь своих законных прав, гарантированных Конституцией СССР.

– Ага, – сказал депутат. – Она проживала за границей, будучи гражданкой СССР? Да-да, вы говорили, что она отсутствовала десять лет... Скажите, а она получала там какой-то доход? А налог с него она уплачивала? Я имею в виду не их, а нашим финансовым органам. В рублях или в валюте? В какой именно? С нее взяли слишком много? В чем конкретно проблема?

– Ну что вы! – сказал Землянин. – Там она, естественно, никаких доходов не получала. Она...

– Что же в этом естественного? – удивился депутат. – Это, простите меня, ретроградная позиция. Мы же считаем, что естественно как раз, проживая за границей, получать как можно больший доход и исправно уплачивать налоги. Если вас интересуют конкретные ставки... Или там напутали с курсом? Можно пересчитать.

– Боюсь, – сказал Землянин, начиная несколько раздражаться, – что вы не очень внимательно меня выслушали. Моя мать скончалась несколько лет назад...

– Ну да, извините, – спохватился депутат. – Вы и в самом деле говорили... Речь, следовательно, идет о налоге на наследство? Согласен, это проблема достаточно сложная, и наша комиссия сейчас как раз ею и занимается. Что оставила вам ваша покойная матушка? У нее была там недвижимость?

– Где – там?!

– Ну она же проживала за границей – я так понял?

– Совершенно не так. Кроме того, она совершенно не покойная. То есть она была покойной, но сейчас снова живет...

– Ах, она ожила. Я понимаю, бывает. Но тогда мне совершенно неясно... С нее что, требуют налог на оживание? Простите, но мне кажется, что такого налога... Минутку, я освежу в памяти...

И депутат принялся быстро-быстро перебирать бумаги на своем столе:

– Ну да, так и есть! – заявил он едва ли не торжествуя. – Нет такого налога! Это, безусловно, крупное наше упущение, и я от души благодарю вас за то, что вы подсказали нам... указали на этот недостаток. Если приравнять оживление к... гм... производству новой продукции, то налоговая ставка может быть... гм... Минуточку, я прикину в общих чертах... Да, тут, очевидно, речь идет о двух разных ставках: за оживление – это налог на тех, кто занимается оживлением, и за оживление – на тех, кто подвергается оживлению. Очень интересно... Скажите, а как по-вашему, оживление относится к области здравоохранения? Или культуры? Или промышленного производства? Крайне, крайне занятно... Скажите, вот вы, сами лично, тоже занимаетесь оживлением? Да? В таком случае, к какой области деятельности вы сами относите свою работу? Согласитесь, что это ведь не здравоохранение: если уж человек умер, то никакого здоровья у него, естественно, не осталось и охранять тут нечего. К области культуры? Тоже вряд ли. Хотя, конечно, среди оживляемых могут оказаться и деятели культуры, даже крупные... И тем не менее... Вообще-то это, конечно, сфера обслуживания... Ремонт, восстановление, реставрация... М-да, задали вы нам задачку... Но я очень, очень вам благодарен, поверьте... Ваш приход еще раз убедил меня в том, что наш законопроект еще сыроват, видите – даже налога на оживление не предусмотрели – а ведь, кажется, следовало бы... Понимаете, вся беда в том, что законопроекты составляются разными аппаратными чиновниками, при чисто формальном подходе, присущей им безответственности... Еще раз – большое спасибо! – Депутат наконец перевел взгляд с бумаг на Землянина. – Ну, не стану далее отвлекать вас от вашей гуманной деятельности... Скажите, а вы не задумывались о создании Фонда Оживления? С точки зрения налогов, это было бы вам очень полезно. Всесоюзный фонд... Вы подумайте об этом на досуге. Всего вам наилучшего!

– Простите, а как же с моей просьбой?

На этот раз в голосе Землянина одновременно прозвучали и раздражение, и удивление, и даже некоторое сомнение. Причем сомнение его касалось в первую очередь его собственной персоны: неужели же даже на столь простое дело он оказался неспособным? И в самом деле: потратить столько времени на разговор с депутатом, и не только не получить какого-то конкретного ответа, но, похоже, даже не суметь растолковать общественному деятелю всю сущность проблемы? Налоги? Да при чем тут налоги, если понадобится их платить – он будет платить, но дело ведь совершенно не в этом... Может быть, не следовало ударяться в амбиции и идти сюда, но предоставить это маме, как она и предлагала? Хотел помочь, но что же получилось?..

– С вашей просьбой? Э-э... гм... Ах, ну да, конечно. Извините, я, конечно, несколько отвлекся. Итак, в чем же она заключается?

– Я ведь объяснял, – сказал Землянин с усталой терпеливостью. – Моя мама, оживленная, как вы говорите, не имеет необходимых и, безусловно, полагающихся ей документов. Ее права...

– Ага, да, да, – оживился депутат. – Тогда вы просто неправильно обратились. Нет, я понимаю, что вы – мой избиратель, я очень рад тому, что вы пришли именно ко мне, и могу дать вам совет: вам следует обратиться в комиссию по правам человека, это их тема, а не наша, не моя в частности...

Однако Землянин решил держаться до последнего.

– Но мне кажется, что если происходит нарушение Конституции нашей страны...

– Происходит, тут вы совершенно правы. Но Конституция наша сейчас находится в, так сказать, несколько промежуточном положении... Я думаю, что, если вы хотите, чтобы права

оживленных были запечатлены в основном законе страны, вам нужно не мешкая обратиться в конституционную комиссию... Только не спутайте ее с управлением по защите Конституции – это совсем иное учреждение. Да-да, именно в комиссию по выработке новой Конституции СССР – вот куда следует вам сейчас пойти... А теперь – до свидания, и желаю вам больших успехов...

Землянин был уже в дверях, когда депутат окликнул его.

– А скажите, пожалуйста... вы только людей оживляете?

– А что?..

– Да нет, я, собственно... Вот у нас была собака, знаете, верный друг, член семьи, по сути дела. Мы все так переживаем... Раз уж теперь стало возможным оживать – то, может быть... Я, разумеется, оплатил бы...

– Скажите, – после паузы спросил Землянин, – все это даже не удивляет? Это, вы считаете, такое обыденное явление?

– Что именно?

– Да вот хотя бы оживание, как вы это назвали.

– Удивляет? Дорогой мой, после всего, что у нас за последние годы произошло и происходит, разве можно еще хоть чему-то удивляться? Уходят в небытие режимы, гибнут все-сильные идеологии, воскресают забытые ценности – как же может удивить такой частный случай, как оживание одного или нескольких человек? Так вы подумаете насчет собачки? Ведь, в конце концов, разница не так уж велика...

– Хорошо, – сказал Землянин. – Я подумаю.

– Подумайте, ладно? А я со своей стороны!.. О! Нашел! Мы создадим в Верховном Совете комиссию по оживлениям! Я займусь этим сам! И как только она будет создана – приходите к нам, и мы сможем обсудить все вопросы, какие у вас к тому времени возникнут. Нет-нет, не сомневайтесь, они непременно возникнут! До свидания! До свидания! И нижайший поклон матушке!

XI

Матушка, товарищ Землянина А.Е., к чести ее, в эти утренние часы тоже не сидела дома в ожидании нижайших поклонов, но, проводив сына на прием к депутату, сразу же собралась и сама и решительно направилась на прием в райком партии, и не к кому-либо там, а именно к первому секретарю. Шла она в тот райком, где ранее, при жизни, находилась на партийном учете; а поскольку была она уже тогда пенсионеркой, то пришлось ей из того района, где она работала, перейти в парторганизацию при ЖЭКе по месту жительства, так что в этом райкоме ее по-настоящему не знали, и это ее слегка смущало. Тем не менее она шла, исполненная бодрости и надежды.

Первый секретарь райкома КПСС в Москве, как известно, работник крупный, потому что в любом районе города Москвы состоит на учете еще и сегодня больше членов и кандидатов в члены партии, чем в иной союзной республике, где даже свой Центральный Комитет есть; да и экономика такого района порой позначительнее союзно-республиканской, так что даже странно, почему до сих пор ни один из тридцати шести московских районов не выразил желания выйти из состава Советского Союза и провозгласить, скажем, республику Марьиной Рощи со своим государственным языком и таможенной службой. Говорим все это для тех, кто полагает, что это так просто: взять да прийти к первому секретарю. Однако же Анна Ефимовна пришла и попала, потому что времена нынче пошли такие, когда и первые секретари проигрывают на выборах – и тогда, естественно, сразу же начинают думать о победе на следующих. Анна Ефимовна же попала на прием еще и потому, что записалась заблаговременно. И пришла вовремя, и была принята.

– Здравствуйте, товарищ Землянина, – радушно ответил на ее приветствие секретарь, которого звали Федором Петровичем. – Садитесь, пожалуйста. Что привело вас ко мне? Я, признаться, не очень понял, хотя помощник мне докладывал и заявление ваше о восстановлении в рядах партии – вот, у меня на столе. Объясните, пожалуйста, вкратце: при каких обстоятельствах вы были из партии? Исключены были? Кем, за что? Рассматривала ли дело Комиссия Партийного Контроля?

Говоря это, секретарь выглядел несколько удивленным, да и был таким на самом деле. Что ж удивительного: все последние месяцы люди из партии в основном уходили, а вот такая просьба о восстановлении была за ощутимое время, пожалуй, первой. Вот почему он, спрашивая, очень внимательно вглядывался в посетительницу: человек как-никак немолодой, значит – со всякими извивами психики, мало ли что... А может быть еще – и того хуже.

– Федор Петрович! – отвечала Анна Ефимовна, глубоко задетая одним уж предположением о том, что она могла совершить нечто, заслуживающее исключения из монолитных рядов КПСС. – Меня из партии никто и никогда не исключал! Безусловно, я была из нее, да – на некоторое время! Но время это прошло, и я ходатайствую о восстановлении. И надеюсь, что вопрос решится очень быстро. Я не привыкла, Федор Петрович, находиться вне партии. Тем более в такое сложное время, как сейчас.

– М-да, время действительно... – проговорил Федор Петрович, глядя при этом куда-то вдаль. – Но партия... – он глянул на нее мельком, – Анна Ефимовна, партия выдержит. Выстоит. Она избавится от всего лишнего в своих рядах, от раскольников и ревизионистов всех мастей, от тех, кто хочет дискредитировать партию в глазах народа и лишить ее занимаемого ею места, авангардной роли в нашем обществе. Заверяю вас! Да! Слушаю! Нет! Ни в коем случае! Я заверил и Юрия Анатольевича, и Ивана Кузьмича... Есть ведь ясная установка. Так и сделайте. Все, пока.

Тут следует заметить, что последние двадцать семь слов были адресованы не Земляниной, но собеседнику на другом конце телефонной линии. Звонки то и дело вторгались в их

разговор, но мы не станем отвлекать внимание читателя ненужными подробностями. Скажем лишь, что, закончив телефонный разговор, Федор Петрович несколько секунд обождал, прежде чем вернуться к теме.

– Так, – сказал он затем. – При каких же обстоятельствах вы из партии выбыли, по вашим словам, на срок? Приостановили членство? Работали в правоохранительных органах? Уставом, товарищ Землянина, приостановка стажа не предусматривается. Или вы были осуждены за совершенные преступления? Однако если коммунист приговаривается судом к определенному сроку, то уж из рядов партии он исключается, заверяю вас, навсегда!

– Из партии, – сказала Анна Ефимовна, – я выбыла по причине смерти.

– Чьей смерти? – спросил Федор Петрович, понявший это так, что чья-то смерть в свое время потрясла его нынешнюю посетительницу настолько, что последняя положила на стол свой партийный документ. Или, может быть, это она сама нечаянно причинила кому-то смерть и, не будучи осужденной, все-таки испытывала настолько сильные угрызения совести, что сочла себя недостойной...

– Моей смерти, чьей же еще? – ответила Анна Ефимовна.

– То есть это следует, видимо, понимать иносказательно? – осторожно спросил секретарь, быстро соображая, не вызвать ли милиционера снизу. Лучше бы, конечно, «скорую помощь» с санитарями, но ведь пойдут потом разговоры, что, мол, из райкома отвозят прямиком в желтый дом...

– Отнюдь, – возразила Анна Ефимовна. – Нет, я просто умерла, как это случается со всеми.

– Что же так? – машинально поинтересовался Федор Петрович, чувствуя себя все менее уютно в кабинете, не столь давно перешедшем из собственности Моссовета в нераздельное партийное владение.

– Это не столь важно, – сказала Землянина, не любившая вспоминать о той печальной поре. – Своею смертью, как принято выражаться.

– Вы, значит, полагаете, что это не важно? – спросил секретарь, одновременно нажимая кнопку. Помощник явился на вызов безотлагательно.

– Присядь, Иван Сергеевич, посиди, послушай. Случай с товарищем интересный.

Вдвоем было все-таки надежней: если она и в самом деле – с приветом, то они, говорят, обладают силой неимоверной.

Помощник послушно присел.

– Ты поближе, Иван Сергеевич, поближе.

Помощник переместился вдоль длинного стола и расположился поближе.

– Я вот тебя, Иван Сергеевич, сейчас введу в суть вопроса.

– Знаком я, Федор Петрович. Все документы изучил, и потом мы запрос и в партархив посылали, и в бюро загс. Случай действительно из ряда вон выходящий, уставом партии, а также инструкциями и постановлениями не предусмотренный.

– Да, – подтвердил Федор Петрович, – на этот счет даже и в проекте нового устава ничего не говорится. Однако, товарищ Землянина, из документов следует, что вы состояли на учете в Краснопресненском райкоме партии куда дольше, чем у нас. Вас там, безусловно, знают лучше. Почему бы вам для решения вопроса о вашей партийности не обратиться туда?

– Потому что умерла я у вас, – ответила Землянина, – и партбилет мой после смерти был сдан в ваш сектор учета. То есть я вынужденно выбыла из рядов в вашем районе, тут и должна в них вернуться.

– Логично, – согласился Федор Петрович. – А скажите, Анна Ефимовна: из документов следует, что вы... м-м... выбыли в возрасте семидесяти двух лет. Выглядите вы куда моложе. Это очень приятно, разумеется, но...

– Когда происходило мое возрождение, – отвечала Анна Ефимовна, – мой сын воспользовался старой записью...

– Сын? – переспросил секретарь. – При чем тут сын?

– Так он же меня и реставрировал. Он ученый...

– Ах, вот как. Ну и что же?

– То, что мне сейчас примерно – практически – шестьдесят с небольшим, хотя календарно, если бы не этот перерыв, было бы восемьдесят с хвостиком.

– Возрождение, вы говорите? – взглядом испросив разрешения, вмешался Иван Сергеевич. – Возрождение, товарищ Землянина, это скорее из историко-культурной терминологии. А то, что произошло с вами, уместнее было бы назвать воскрешением из мертвых.

И он, несколько приподняв брови, почему-то покачал головой.

– Возрождение, воскрешение – какая разница? – проговорила Землянина, менее всего думавшая сейчас о терминологии.

Теперь покачал головой и Федор Петрович.

– Ну нет, – сказал он, прищурясь, – разница есть, и немалая. Странно, что вам, товарищ Землянина, в прошлом члену партии с немалым стажем, она не бросается в глаза. Даже обладая элементарным политическим чутьем, можно было бы понять, что «воскрешение» – совсем не то, что «возрождение». Потому что термин этот, как вы прекрасно знаете, относится к сфере религиозной. А партия, товарищ Землянина, к религии относится по-прежнему отрицательно, как к искаженному, неверному мировоззрению, уводящему людей в сторону от понимания подлинных задач трудящихся. То, что в рамках перестройки и гласности религия, как может показаться, восстановлена в некоторых правах, вовсе не значит... Но скажите мне: как вы сами, коммунистка, насколько я могу судить, во всяком случае, по убеждениям... так ведь?

– Безусловно, – гордо кивнула Землянина.

– Какую оценку вы сами можете дать своей деятельности по вашему... восстановлению в живых, в ходе которой вы прибегли к помощи идеологически чуждого партии – и вам, следовательно – мировоззрения? Нет ли в этом элементов оппортунизма, беспринципности и отхода от атеистического мировоззрения?

– Категорически протестую, – твердо ответила Землянина. – Я ни слова не говорила о воскрешении. Меня не воскрешали! – вы правы, для коммуниста это звучало бы по меньшей мере странно. Меня восстановили; разве позорно для коммуниста быть восстановленным – сперва в жизни, а потом и в партии? В истории нашей родины имеется восстановительный период!

– Да, конечно. Но коммунист, товарищ Землянина, должен всегда и во всем сохранять кристальную чистоту.

– Разумеется, – подтвердила Землянина.

– Как же в таком случае следует расценивать то, что вы в таком серьезном деле прибегли к той самой семейственности, которая всегда осуждалась партией?

– Не понимаю, – сказала Анна Ефимовна растерянно.

– Чего же тут не понимать? Вы ведь сами признали, что вновь возникнуть в жизни вам помог не кто иной, как ваш собственный сын. Вот и Иван Сергеевич слышал. Что же это, по-вашему, как не семейственность?

– Простите, – сказала Анна Ефимовна, собравшись с силами, – но не кажется ли вам, что вы тоже возникли в этой жизни благодаря действиям ваших собственных отца и матери? Может быть, это тоже семейственность? И как к этому вашему появлению относится районная партийная организация?

– М-м... Ну, это спорно, – сказал Федор Петрович, несколько смущенный неожиданным поворотом темы. – Как ты думаешь, Иван Сергеевич?

– Очень, очень спорно, – поддержал помощник.

Наступило молчание, продолжавшееся с минуту.

– Хорошо, – сказал секретарь, во время паузы вновь перелиставший бумаги в папке. – Но вот существенное обстоятельство. Тут, среди документов, я никак не могу найти решение о вашем восстановлении.

– Я ведь и прошу, – сказала Землянина, – о решении бюро райкома о моем восстановлении.

– Что касается восстановления в партии, то начинать вам следовало не с нас, а с первичной парторганизации, и уже ее решение мы стали бы рассматривать, – сказал Федор Петрович. – Но сейчас я имел в виду другое решение: о вашем восстановлении в жизни. Кем принималось такое решение, товарищ Землянина? И принималось ли оно вообще?

Тут Анна Ефимовна несколько смутилась.

– Я, собственно, не в курсе, – сказала она. – Это лучше было бы спросить у сына...

– Не было решения, не было, – сообщил Иван Сергеевич. – Мы запрашивали. Никто не разрешал.

– А кто должен давать такое разрешение? – еще менее уверенно спросила Землянина.

– Ну, тут надо подумать, – сказал Федор Петрович. – Может быть, трудовой коллектив. Или райсовет. Или Мосгорисполком.

– Верховный суд, – подсказал Иван Сергеевич. – Коллегия по гражданским делам.

– Да, это лучше всего, – согласился Федор Петрович. – По протесту прокурора.

– Совершенно верно, – поддержал помощник.

– Ну да. Вот пусть Прокуратура Союза опротестует... ну, хотя бы свидетельство о вашей смерти. По вновь открывшимся обстоятельствам. Прокурор принесет протест, суд вынесет соответствующее решение – вот тогда и можно будет считать вас восстановленной в жизни по всем правилам.

– А если суд оставит протест без удовлетворения? – тихо проговорила Землянина. – Что же, мне опять...

– Подадите прошение на имя Верховного Совета. Или даже Президента страны. Подумайте, товарищ Землянина, и вы поймете: мы сейчас стремимся создать правовое государство, мы, выполняя заветы Октября, передаем всю власть Советам – и потому никак не можем восстановить вас в партии, пока вы легально не восстановлены в жизни!

– Я надеялась, – сказала Анна Ефимовна, – что указания, данного партийным органом, будет достаточно хотя бы для милиции, чтобы...

– Такая практика, товарищ Землянина, – строго произнес Федор Петрович, – так называемое телефонное право, строго осуждена как порочная. Мы, Анна Ефимовна, готовимся к деятельности в условиях парламентаризма и многопартийного плюрализма, и, в духе постановлений XIX партконференции и XXVIII съезда, а также лично товарища Горбачева, не собираемся решать вопросы за милицию, прокуратуру, суд и даже наш районный совет.

– Да и вообще совет этот... – пробормотал Иван Сергеевич. – Навыбирали неизвестно кого, прямо не совет, а путь из варяг в греки... – Тут Иван Сергеевич даже встрепенулся. – Постойте, у вас что же – и паспорта даже нет?

– Нет, – откровенно призналась Землянина. – Я признаю свою ошибку и в ней раскаиваюсь, но тем не менее...

– По какому же документу вас сюда пропустили? – строго продолжал Иван Сергеевич.

– А по свидетельству о смерти, – сказала Анна Ефимовна.

– Да какой же это документ! – возопил помощник.

– Официальный. С печатью.

– Гм, – сказал Федор Петрович. – Безусловно, свидетельство о смерти может в определенном смысле служить удостоверением личности. И тем не менее, если у вас нет паспорта,

то, по сути дела, ничто не доказывает, что вы являетесь гражданкой СССР. А в КПСС могут состоять лишь граждане нашей страны.

– Чья же я, по-вашему, гражданка? – Анна Ефимовна была уже близка к слезам. – И в какую же партию мне вступать?

– А в любую, – сказал Федор Петрович. – Хоть к кадетам.

– Товарищ! – грозно произнесла Землянина.

– Ну, это я пошутил, конечно. А вообще... Сложный период переживаем мы, товарищ Землянина. Братские партии в лагере мира и социализма, по сути, перестали существовать, да и сам лагерь тоже. Смутные стоят времена.

– Прямо скажем, – подтвердил Иван Сергеевич. – Правда, это только в странах Варшавского Договора. В капстранах – там компартии существуют, как и прежде. Вот если вы куда-нибудь выедете...

– Как же я могу выехать без паспорта?

– Товарищ Землянина! – Федор Петрович почувствовал себя вынужденным даже несколько повысить голос. – Повторяю: это дело не наше, а соответствующих учреждений и органов. А ошибку действительно совершили и вы, и ваш сын, восстановивший вас без соответствующего решения... Кстати, он в какой системе работает? Академии наук?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.